

7. НАРБ. Ф. 205. Воп. 10. Спр. 575 – Паўлючэнка Міхаіл Міхайлавіч. 1953 г. 13 арк.
8. НАРБ. Ф. 205. Воп. 5. Спр. 122 – Спісы прафесарска-выкладчыцкага складу БДУ на 1946/1947 навуч. г. 20 арк.
9. НАРБ. Ф. 205. Воп. 5. Спр. 48 – Даведкі аб навукова-даследчай і вучэбнай рабоце факультэтаў БДУ за 1943/1944 навуч. г. 48 арк.
10. НАРБ. Ф. 205. Воп. 5. Спр. 51 – Планы вучэбна-педагагічнай работы праф.-выкладч. складу факультэтаў БДУ, 1944/1945 н. г. 24 арк.
11. НАРБ. Ф. 205. Воп. 5. Спр. 56 – Справаздача аб вучэбна-вытворчай рабоце хімічнага факультэта БДУ за 1944/1945 навуч. г. 44 арк.
12. НАРБ. Ф. 205. Воп. 8. Спр. 295 – Штатны фармуляр на прафесарска-выкладчыцкі склад БДУ на 1964/1965 навуч. г. 102 арк.
13. *Павлюченко М. М.* Природные соли Белоруссии. Минск, 1959. 35 с.
14. *Продан Е. А., Павлюченко М. М., Продан С. А.* Закономерности топомических реакций. Минск : Наука и техника, 1976. 260 с.
15. Труды Совещания по использованию и обогащению калийных солей Белоруссии / Госкомитет по химии СМ СССР, СНХ БССР, ИОНХ АН БССР. Минск : Изд-во АН БССР, 1961. 262 с.

Кодин Е. В.

Смоленский государственный университет (г. Смоленск, Российская Федерация)

Н. П. ВАКАР И НАЧАЛО АМЕРИКАНСКОГО ПОСЛЕВОЕННОГО БЕЛОРУСОВЕДЕНИЯ

Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта Минобрнауки России «Мировая славистика в изучении новой и новейшей истории России и Беларуси: концепты славянского единства и самобытного развития в исторической ретроспективе», № 33. 1419. 2017/ПЧ.

У специалистов по белорусской истории имя Н. П. Вакара ассоциируется в первую очередь с его книгой «Белоруссия. Создание нации», изданной Гарвардским университетом в 1956 г. [1]. Однако обстоятельства разработки им белорусской темы и подготовки вышеназванной работы до сих пор остаются малоизвестными. В настоящем исследовании некоторые аспекты подготовки указанной работы проясняются, благодаря знакомству с материалами небольшой коллекции дневниковых записей Вакара, хранящихся в Хоугтонской библиотеке Гарвардского университета. Для более полной картины предстоит проработать материалы Бахметьевского архива Колумбийского университета (Нью-Йорк), куда была передана часть личных материалов Н. П. Вакара.

Николай Платонович Вакар родился в 1894 г. Обучался на юридических факультетах Московского и Киевского университетов. Участник Первой мировой войны. Участник Гражданской войны, служил в Добровольческой армии в разведывательном отделе. Эмигрировал во Францию, жил в Париже. Штатный сотрудник газеты «Последние новости» (гл. ред. П. Н. Милюков), заведовал отделом информации, был секретарем редакции.

В 1940 г. эмигрировал в США. В 1945 г. окончил Гарвардский университет, там же защитил докторскую диссертацию по славянской филологии. Преподавал русский и белорусский языки в Гарвардском и Бостонском университетах. После выхода в отставку в 1960 г. стал профессиональным художником. Умер в 1970 г.

В 1983 г. Русский исследовательский центр Гарвардского университета передал в Хоугтонскую библиотеку университета коллекцию материалов Н. П. Вакара (Nicholas P. Vakar Papers (MSRuss 58). Houghton Library, Harvard University). В описании коллекции автор определен как «русский эмигрант, писатель и преподаватель русского языка» («Vakarwasa Russianemigré writerandteacher of Russian»).

Коллекция включает в себя дневниковые записи Вакара за 1938–1939 гг. и за 1939–1940 гг. Они в двух вариантах: фотокопии дневников Вакара и их машинописные копии с правками. Вся коллекция на русском языке.

Итак, вначале поздний парижский период эмигрантской жизни Н. П. Вакара.

Николай Платонович работает в редакции газеты «Последние новости». По роду своей деятельности общается с широким кругом представителей первой русской эмиграции. В том числе и разных национальностей. Постепенно он все больше и больше задается вопросом будущего государственного устройства России. Читаем в дневнике: «Написал первые три статьи о «Реформе советского государства». /1 – Финская война, 2 – Революция или реформа, 3 – Возможна ли реформа/, но с этими семейными хлопотами и переездом не мог продолжать. Боюсь, так и застряну... А нужно еще четыре, которые готовы в голове: 4 – Три капитализма, 5 – Раскрепощение человека, 6 – Право и свобода, 7 – Трудовое государство» [10].

Свои статьи в парижские газеты Н. П. Вакар направлял за подписью «Лагутин». Как он сам пишет: то была фамилия его матери, под этой фамилией он жил в Москве в 1924 г. в нелегальной поездке [10].

Вакар недоумевал и возмущался постоянным интересом американских и других представителей в Париже к проблемам украинской диас-

поры, кавказских и тюркских народов и тем значительным суммам, которые руководители национальных эмигрантских организаций получали от спонсоров. Чего не было в отношении русских и белорусов. Запись от 23 мая 1939 г.: «Допытывал вчера Чокаева за чаем, какие идиоты дают до сих пор деньги всем этим кавказским сепаратистам, которые только и делают тут, что ссорятся между собой. Он молчит и смеется». И далее в разговоре: например, группа Баммата «Кавказ» субсидировалась японцами на случай, «если понадобится... расстроить глубокий тыл России – Кавказ, казачьи области и Украину, лишить русскую армию хлеба и нефти» [7].

В Париже Вакар пытался создать Общество изучения народов России. Ничего по сути не вышло. Идею поддержали всего несколько человек. Но после первых же заседаний общество показало свою нежизнеспособность. Зимой 1940 г. Вакар пишет: «Попытки оживить на Общество изучения народов безуспешны. А сейчас его работа впрямую была бы очень полезна. Ее нужно перестроить принципиально. Русский вопрос – пустое место в канцеляриях Парижа и Лондона... чтобы... начать работу, как следует, необходимы деньги и, собственно, гроши. Но нет и грошей. Общество совсем не способно на это» [11].

В феврале 1939 г. Вакар пишет о том, что уполномоченный института Карнеги в Европе Дэйвис «интересуется национальным вопросом в России, так как по должности занят «примирением народов». Вакар предполагает: если интерес у Дэйвиса серьезный, то, может быть, удастся «склонить его к мысли издать в Институте Карнеги несколько трудов на русскую тему» [5]. Но из этого в итоге ничего не получилось.

Весной 1939 г. на одном из вечеров с докладом «о самостийниках» Вакар познакомился с представителем белорусской эмигрантской среды, организатором «Союза белорусской трудовой эмиграции» Н. С. Абрамчиком. 11 марта Вакар делает запись: «был у него в мансарде под небом..., книжные полки, чугунная печка, пишущая машинка на тесаном столе и ротатор... Славный, хороший малый. Обрадовался, как ребенок, что вот, наконец, нашелся русский, который любопытствовал. Говорили три часа – сначала у него, потом в кафе. Собрал литературу. Нужно непременно написать. В этом есть подлинное горение, самопожертвование, а, стало быть, правда. В народе, видно, ненависть одинаковая к полякам и москалям. Но поляки ведут себя умнее. Культурный центр теперь не в Минске, а в Вильнюсе» [6].

К этому времени работа над книгой по белорусам была уже в активной стадии. В дневниковой записи от 19 мая 1939 г. читаем: «Завтра

возвращаюсь в Париж... (был в отпуске. – *Е. К.*) Гертруда (жена. – *Е. К.*) недовольна, что сижу за машинкой и истощаю силы. Но мне абсолютно ничего не нужно. Наслаждаюсь деревенским покоем... Почти окончил книгу о белорусах (так в тексте. – *Е. К.*). Остались две заключительные главы – но это надеюсь закончить сразу по возвращении домой, до начала работы в газете» [7].

И вот долгожданная запись в дневнике от 23 мая 1939 г.: «В 6 ч. 30 м. вечера кончил книгу «Белоруссы» [7].

Издать книгу в парижской эмиграции по белорусам не было никакой возможности: тема ни для кого не представляла интереса, денег на это никто не давал. Вот красноречивая дневниковая запись периода ноября 1939 – марта 1940 гг. (точной даты не указано): «К сожалению нет работников. Все перегружены, копаются в своем дерьме. Я не могу физически продолжать статью о реформе...! Хотя бы белоруссов удалось издать!» [11]. Не удалось.

Однако еще несколькими месяцами раньше познакомиться с содержанием труда Вакара изъявил желание редактор «Последних новостей» П. Н. Милюков. 29 июля 1939 г. Вакар пишет об этом так: «Милюков уехал в Швейцарию на 2 месяца и увез с собой первую часть «Белоруссов». Условился послать ему туда вторую, когда окончу переписку» [7].

Больше в дневниках упоминаний о рукописи книги нет. Однако в описании материалов фонда Вакара в Хоугтонской библиотеке читаем следующее. 5 декабря 1940 г. «Белоруссы», – т. е. рукопись Вакара была спасена из квартиры на парижской улице Sant Mande Борисом Проссом (Проскураковым) и доставлена в г. По (Рау, расположен в западной части юга Франции, недалеко от границы с Испанией) спустя несколько месяцев после того как Вакар соединился там со своей семьей [9].

Здесь следует сделать некоторые уточнения. В квартире на улице Sant Mande Вакар жил один вплоть до гитлеровской оккупации Парижа. Туда он перебрался из гостиницы, которая находилась ближе к редакции, но это было накладно с финансовой точки зрения. Квартиру Вакар описывает без какого-либо вдохновения. Март 1940 г.: «Переехал из отеля обратно в St. Mande, благо потеплело. Однако, холод все-таки изловляет, несмотря на отличную, солнечную погоду. Сижу и сплю в Гертрудиной комнате, греясь электрической печкой. Но здесь, хоть и в холоде, можно, наконец, взяться за работу: и времени больше, и материалы под рукой» [11].

К этому времени Гертруда нашла жилье в городке По. Читаем записи Вакара: «Гертруда нашла, наконец, квартиру в По, два месяца мучи-

лась, натываясь на нежелание квартирных хозяев связываться с русской (подчеркнуто в оригинале. – *Е. К.*) жилищей: мужа нет и, может быть, будет мобилизован, а дети в колонии, репутация которой, повидимому ужасна в По» [11]. (В городе По в это время был организован летний лагерь для русских детей, в этом лагере находились дочери Вакаров – Катя и Анна. – *Е. К.*) [9]. Сюда Н. П. Вакар приедет, покинув Париж в канун гитлеровского захвата столицы Франции.

Об исходе населения из Парижа несколько впечатляющих зарисовок из дневников Вакара.

Редакция газеты еще работает в штатном режиме. Но уже прошла первая информация о наступлении немцев на Париж. Вакар из окон редакции газеты наблюдает картину массового покидания столицы: «Мимо проносятся сотни, тысячи автомобилей, нагруженных беглецами, матрасами, чемоданами, кухонной дрянью. Но это все как бы скользит по поверхности парижской жизни. Основная масса населения не двигается: глазеез из окон, толпится на тротуарах, а к вечеру наполняет рестораны, кинематографы, кафе» [8].

Совсем иная картина через несколько дней: «Редакция – брошенный штаб... Имущество брошено: адреса подписчиков, пишущие машинки, рукописи, счетные книги, недельный гонорар не заплачен, убежавшие не успели проститься, пожать руку оставленным... Стонут покинутые, растерянные машинистки... На полу бумаги. На столах не допитый со вчерашнего дня чай. Та же картина, что двадцать лет назад в киевских газетах перед приходом большевиков» [8].

Начало исхода: «Под окнами проносятся автомобили с беженцами и домашним барахлом, тянутся толпы пеших с детскими колясками, с тачками, с чемоданами в руках и на плечах. Великий город тронулся, уходя от немцев» [8].

Вакар покидает редакцию и Париж:

«Простился с товарищами, поцеловал Коновалова в дрожащие щеки. Чего пожелать друг другу в такие минуты? Расстались молча. Схожу к велосипеду, на который с утра нагружены одеяло, пижама, запасный костюм, пара штиблет, бритва, мыло, зубная щетка, хлеб и несколько консервных банок» [8].

«В 4 часа дня на перегруженном велосипеде, плохо слушающем руля, проезжаю через Сену. Сплошным потоком беженцы поднимаются по бульвару Сен-Мишель к Люксембургскому саду, спускаются дальше к Итальянским воротам. Неуклюжий велосипедист валит меня на мостовую. Встаю с продранными коленями и распоротой задницей. Но сам

цел, и только большой палец правой руки болит нетерпимо. Вывихнул? Сломал?.. Дрожь пробегает по спине, как же я поеду. Все же беда, как будто, не велика. Оттопырев палец, можно держать руль. Слава Богу, что наседавшие сзади грузовики не задавили. Машина цела, а это – все!

Толпа автомобилей и пешеходов становится все гуще по мере приближения к заставе. Сосредоточенно и молча, глотая пот и пыль, человеческий поток выплывает на дорогу Фонтенбло. Велосипедисты обгоняют автомобили, едва продвигающиеся вперед; проворные пешеходы обгоняют велосипедистов, вынужденных ежеминутно слезать с седла. Старик и старуха в мягких туфлях волочат детскую коляску с подушками, бутылками и мешком, из которого торчат стенные часы. Сгибаясь под ношей, два подростка толкают тачку, на дне которой младенец копошится среди барахла; люди тащат с собой птичьи клетки, кошек и собак в кухонных мешках... Безжалостно палит солнце. Грудь харкает раскаленной пылью. Впереди все выпито в кофейнях и бистро. Дома пусты. Не у кого найти стакан воды.

В Эссоне, в 20 км от Парижа, нахожу кабак, где есть пиво. Как мухи, люди облепили мокрые столы. В кабаке сыро и душно от пота. Пью молча, жадно. Никто не понимает толком, что случилось» [8].

В такой ситуации вызывает определенное сомнение описанное выше «счастливое спасение рукописи Вакара из покинутой им парижской квартиры не им самим, а одним из его товарищей и из уже оккупированного немцами Парижа. Не верится в то, что Вакар не взял с собой на хотя и перегруженный велосипед книгу, написание которой потратил не один год. Однако других свидетельств, кроме описаний этого сюжета по памяти дочерью Вакара Екатериной Чвани (CatherineV. Chvany) у нас пока нет. Возможно, пояснения этого обстоятельства имеются в Бахметьевском архиве.

Тем не менее рукопись «Белоруссов» оказалась у автора, и он взял ее с собой, уезжая в Соединенные Штаты Америки. Точной даты прибытия Вакара в США нет. Екатерина Чвани утверждает, что семья Вакаров прибыла в США в августе 1940 г. [12]. Дневниковая запись Вакара Бостонского периода от 26 мая 1941 г. говорит об их встрече и беседе с профессором М. Карповичем, который работал в Русском исследовательском центре Гарвардского университета. Обсуждали многое, в том числе и рукопись «Белоруссов». Карпович советовал «не отчаиваться насчет «Белоруссов»: он искал три года издателя для Милюковских «Очерков» [12].

Вакар начинает приобщаться к Гарварду.

Здесь опять идет некая временная нестыковка. Дочь Вакара пишет, что рукопись попала в г. По в декабре 1940 г. А, согласно ее же записям в аннотации к архивной коллекции, Вакар прибыл с Америку в августе 1940 г.

Далее в своих пояснениях для читателей Екатерина Чвани пишет, что во время Второй мировой войны американское правительство позаимствовало единственный экземпляр рукописи, заплатив Вакару около 400 долларов за пользование и вернуло рукопись по окончании войны. Вакар завершил работу над книгой в Русском исследовательском центре Гарварда. Книга была опубликована там же [9].

Итак, Н. П. Вакар в Гарварде и в Бостонском университете.

Первой опубликованной в США научной работой Н. П. Вакара стала статья «Название «Белая Русь» (1949) [4]. Статья была подготовлена по гранту Русского исследовательского центра Гарвардского университета. Здесь Вакар показал свое умение работать с разными источниками. В ней использованы и Русская энциклопедия Брокгауза и Эфрона, и работы М. Довнар-Запольского, Н. Карамзина, Е. Карского, М. Любавского, П. Милокова, В. Татищева, Г. Вернадского и др., и незавершенное исследование профессора В. И. Ламанского «Белая Русь» (частично опубликованное в журнале «Живая старина» в 1891 г.), и другие материалы.

В начале автор поясняет для американского читателя некоторые терминологические тонкости при использовании понятия «белые русские». Русских, которые воевали против красных в годы Гражданской войны, так же называли «белые русские». В русском языке слово «белорусы» означает этническую группу, а «белые русские» – это политическая группа. Но в английском языке провести такую четкую линию разграничения невозможно. Потому многие люди, пишет автор, все еще не могут понять, как «антисоветская группа преуспела в создании республики внутри Советского Союза, и почему их все еще называют «белыми» после того как они стали «красными» [4, р. 201].

В данной статье Вакар приводит много разных толкований ответа на вопрос: когда и почему белорусские земли и люди были впервые названы «белыми»?

Первое письменное упоминание понятия «Белая Русь» автор относит к 1382 г., когда эта территория входила в состав ВКЛ. Термин «белый» имеет множество объяснений: белые национальные одежды жителей, земля покрыта белым снегом от октября до апреля, белые волосы (Карский) и т. д. Вплоть до конца XV – начала XVI в. поляки и литовцы использовали термины в отношении Московской Руси «белая» и в отно-

шении Белоруссии «черная» (Русь). Было давно и понятие «красная Россия», которое относилось к Галиции (Западной Украине), жители которой носили красные одежды.

В 1920-е гг. белорусские политические эмигранты в Литве выдвинули идею схожести в названии богов и предположили, что белорусы могут быть балтами. Однако в тот момент попытки отсоединить белорусов от славян никем поддержаны не были. Но к этой идее вновь вернулись в 1948 г. в эмигрантской периодической печати, издававшейся в американской зоне оккупации Германии. Да, внешне белорусы в значительной степени славяне, но «самые значимые черты национальной философии имеют балтскую основу... Мы должны подчеркивать наш балтизм, а не только наш славизм» [4, р. 205]. И далее шло предложение создать «федерацию балтийских народов» в составе Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии, Норвегии, Швеции и Дании.

Здесь же с территории Германии в эмигрантских националистических кругах высказывалось серьезное беспокойство тем, что понятие «Белая Русь» слишком близко к русским. И это может стать серьезной помехой для формирования нового белорусского национального самосознания и национальной культуры. И потому пошли предложения называть белорусов кривичами (по названию славянского племени), а Белоруссию – Кривией. Что, правда, как отмечает автор, уже предлагалось ранее в 1920-е гг. [4, р. 211].

В конце автор заключает: не надо вообще пытаться переводить на английский язык слово «Белоруссия» как «Белая Русь», а просто использовать по отношению к Белоруссии английское слово «Belorussia», точно также как Шпицберген, Лихтенштейн, Украина, Югославия или Аргентина [4, р. 212].

Основной работой Н. П. Вакара является его исследование «Белоруссия. Создание нации», доработанное по гранту Русского исследовательского центра и изданное в Гарвардском университете в 1956 г. В Предисловии автор выражает благодарность профессору М. М. Карповичу из Гарварда и профессору Ф. Мосли из Колумбийского университета за то, что они сподвигли его на разработку данной темы. Рукопись читали Александр Даллин, Мерл Фэйнсод, Михаил Карпович, Талкотт Парсонс и др.

Основные положения работы Вакара.

В своем становлении белорусы прошли все этапы развития. Вначале они осознали свое языковое отличие от других, затем отличия в обычаях и верованиях, и, наконец, в исторических корнях: «Белорусы считают

себя самой древней и чистой ветвью славянской семьи» [1, р. 37]. Другими словами, он приносит в американское белорусоведение известный тезис об исключительности белорусского славянского происхождения.

Вакар не приемлет норманскую теорию для Белоруссии. Так, в Никоновской летописи, пишет он, есть рассказ о том, что два варяжских князя Аскольд и Дир захватили в IX в. Полоцк и нанесли его жителям ущерб. На этом основании белорусские историки пришли к заключению, что «легенда о том, что варягов *призвали* (курсив Вакара. – Е. К.) управлять славянами не имеет отношения к нам (белорусам. – Е. К.)». В противоположность Новгороду, Полоцкая земля «не нуждалась в помощи иноземцев для того, чтобы привести их дом в порядок». А при князе Всеславе (1044–1101 гг.) это «первое независимое белорусское государство» стало богатым, подчинило себе соседние земли, торговало с греками, арабами, скандинавами и германцами [1, р. 40, 41]. При этом, конечно, никакого осознания быть белорусом, или полочанином в широком смысле слова, в это время не было, заключает автор, хотя на протяжении двух столетий (XII–XIII вв.) Полоцкая Русь была «центром восточно-славянской культуры» [1, р. 42]. То есть здесь речь идет о независимом постславянском белорусском государстве.

Живших к западу от Полоцка литовцев Вакар характеризует так: «дикие языческие племена» [1, р. 43]. Они успешно избежали христианизации как со стороны германцев, так и поляков, и в XIII в. стали политически организованными. При этом их «неграмотные и неотесанные князья» были способными военачальниками. Полоцк удачно противостоял литовским князьям, но попал на время «в руки германцев». И когда последние стали навязывать католицизм вместо православия, то Полоцк обратился за помощью к «неотесанным литовцам». Те согласились и отбили Полоцк у германцев. В итоге к концу XIV в. вся полоцкая земля оказалась под литовским управлением. Другими словами, белорусы потеряли независимость в противостоянии германцам, которых сменили литовцы.

Затем литовцы захватили многие русские земли, и период 1350–1430 гг. автор называет периодом расцвета нового Литовско-Русского государства, в состав которого входили Вильно, Гродно, Ковно, Суwalkи, Подолье, Волынь, Минск, Могилев, Витебск, Смоленск, Киев, Чернигов, Екатеринослав, Херсон, Орел, часть Калужских и Тульских земель, т. е. от Балтики до Черного моря. Самые восточные пограничные заставы литовцев находились в 65 милях от Москвы [1, р. 43].

Эпоха Речи Посполитой описывается как период постоянного противостояния Москвы и Польши. При этом негатив приписывается толь-

ко одной стороне. Например, во время войны 1654–1656 гг. московские войска «разрушили 200 западно-русских городов». На протяжении 200 лет «враждебность продолжалась почти без перерывов» [1, р. 63].

Здесь важно отметить методологический подход Вакара в его выводах по главам. Не являясь профессиональным историком, занимающимся конкретными событиями белорусской истории, он не категоричен в однозначности оценок, а приводит разные точки зрения.

Например, выводы по четвертой главе книги.

С отсылкой к В. И. Пичете, он пишет: в то время как высший класс и значительная часть среднего в итоге приняли польскую культуру, большая часть белорусского крестьянства остались верными своим традициям. Здесь же идет добавление по В. М. Игнатовскому: московская политика была в значительной степени виной упадку и гибели западно-русской культуры. Вновь Пичета: польско-литовский союз был чем-то вроде древней республики с небольшим классом властителей, управлявших классом рабов. А союз с Москвой был разрушительным для народа, образ жизни которого «полностью не совпадал с социальной структурой и моральным климатом Московского государства» (это по Игнатовскому). И далее отсылка на В. Ю. Ластовского: в процветавшей прошлом белорусской нации не было ничего, что вызывало бы чувства симпатии у белорусского народа как к Польше, так и к России: «...Горькие воспоминания о прошлом отворачивают белорусов от тех и других» [1, р. 64].

Разделы Польши не повлекли за собой создание самостоятельной белорусской территориальной единицы в рамках Российской империи. Их вновь поделили, но в иной форме. Перешедшие к Российской империи территории с белорусским населением автор называет «аннексированными территориями». При этом он отмечает, что при формальном провозглашении равенства белорусов в своих правах с русским населением, в реальности ситуация была парадоксальной: под русским правлением здесь усилилась колонизация [1, р. 65–66]. Поляков и литовцев российские власти не притесняли. После «польского восстания 1831 г.», в котором белорусское население не принимало участия, оно пострадало от репрессий даже больше, чем польское [1, р. 69].

Отмена крепостного права в России в 1861 г. всколыхнула землю под ногами местных землевладельцев. Поляки вновь организовали восстание против России в 1863 г. Этим они восстановили против себя даже либеральные круги. А «карательная экспедиция Муравьева» практиковала жесткое отношение к белорусам, несколько не лучше, чем к полякам [1, р. 70, 73].

После разделов начинается политика русификации. Вся жизнь перенеслась под российские правила и под русский язык. До того белорусы были под поляками, теперь те же белорусы оказались под русскими. Автор заключает, что к концу XIX в. белорусы представляли собой в Российской империи в социологическом плане «самую низшую страту местного населения» [1, р. 74].

Национальное самосознание начинает проявляться у белорусов только в конце XIX в. Этот процесс затруднялся тем, что к тому времени не существовало письменной формы белорусского языка, а формирование в начале XX в. «белорусского политического национализма» было прервано Первой мировой войной, когда тысячи белорусских семей двинулись на восток, а линия фронта разделила белорусов на части [1, р. 93].

Здесь же Вакар обвиняет самих белорусов в том, что они не смогли воспользоваться предоставленной немецкой оккупационной администрацией возможностью создания самостоятельного государства. Немцы поддержали идею о том, что белорусский народ – это отличный народ как от поляков, так и от русских и позволили начать работу по формированию белорусской администрации. Но и Антон и Иван Луцкевичи, создав Белорусскую социалистическую Громаду, так и не верили даже сами в возможность создания самостоятельного белорусского государства. И тогда в ходе переговоров родилась идея воссоздания ВКЛ в старых границах. Немцы и этому не противились. Но переговорщики перессорились между собой: белорусы с литовцами из-за Вильно, поляки настаивали на том, что в новом государстве главными будут они. Вскоре у немецкой стороны к этому вопросу интерес пропал. Немцы сделали ставку на Литву и включили белорусские земли в состав литовского государства. Белорусы стали «национальным меньшинством в составе иностранного государства» [1, р. 93–94].

В такой ситуации после «русской революции в марте 1917 г.» белорусы, как и все другие народы в империи, устремили свои взоры в Питер как на «новый символ свободы, равенства и справедливости». Белорусские националисты в это время погрязли в своих внутренних раздорах [1, р. 96, 98].

После ухода немецких войск из Белоруссии 2 мая 1918 г. польский сейм заявил, что Белоруссия принадлежит Польше и является ее неотъемлемой частью. Встала задача – освободить Белоруссию от большевиков. Вакар этому периоду дает такую оценку: значительная часть белорусской интеллигенции и среднего класса «предпочла бы заключить союз с дья-

волом, нежели быть брошенными в советские застенки. Когда польские войска вошли в Минск, Пилсудского с энтузиазмом приветствовали как «друга и освободителя белорусского народа» [1, р. 110]. Руководство БНР вернулось из-за границы. Началось возвращение белорусского языка, воссоздание белорусских школ и т. д. А далее следует такая антироссийская оценка: «В большинстве случаев Луцкевич лишь восстановил то, что было утрачено во времена немецкой оккупации и было разрушено за короткое советское время» [1, р. 113]. То есть – немцы лишь не давали развиваться всему белорусскому, а вот большевики – разрушили!

После Рижского мира политику полонизации в западной Белоруссии Вакар называет не иначе как «колониальная политика», при которой 37 % обрабатываемой белорусской земли принадлежало полякам [1, р. 132]. В восточной же части Белоруссии была достигнута главная цель белорусских националистов: пусть даже и с неправильной системой управления, но «было создано государство равное в правах с самой Россией» [1, р. 138]. В противоположность полонизации здесь проводилась политика белорусизации, которое потом будет заменена русификацией.

Вывод автора: 20 лет раздела Белоруссии на две части привели к тому, что за это время в разных ее частях выросли два разных поколения, в разных культурах, с разными центрами в Вильно и Минске. Полонизация и русификация с каждым годом все больше разделяли белорусов в части языка, литературных стандартов и образования в целом [1, р. 155].

Договор с Германией 1939 г. автор называет четвертым разделом Польши, наступление Красной армии 17 сентября – «советской оккупацией». Правда, с существенной оговоркой: советско-германский раздел Польши означал для белорусов долгожданное воссоединение страны, когда они «смогли почувствовать, что их страна наконец-то стала по настоящему нацией». Национальностью, которая не испытывала страха перед советским коммунизмом. Белорусы думали, что «в их жизни уже ничего не может быть хуже, чем было при польском господстве» [1, р. 155, 156].

Особенностью книги Вакара является и то обстоятельство, что в самой работе нет источников, на которые часто ссылается автор. Они изданы отдельным библиографическим указателем [3]. В указателе впечатляющий список справочной и научной литературы: труды Е. Ф. Карского, В. И. Пичеты, Т. Д. Флоринского, В. М. Игнатовского, М. В. Довнар-Запольского, Д. И. Иловайского, М. К. Любавского, В. Б. Антоновича, А. И. Луцкевича, П. Н. Милюкова и других ученых.

Уже будучи в отставке, Н. П. Вакар в 1968 г. публикует свою последнюю работу по Белоруссии – статью в сборнике по национальным

меньшинствам в СССР под редакцией Эрика Голдхагена ««Белорусский народ между государственностью и исчезновением» [2].

Вначале автор констатирует, что БССР является самостоятельной национальной республикой в составе Советского Союза, со всеми присущими атрибутами государственности (флаг, герб, гимн) и правом выхода из состава СССР. Но при всех этих формальных признаках независимости фактически Белоруссия управляется Москвой.

Но самое главное, что теряет Белоруссия – это свою национальную культуру, то единственное, благодаря чему «население все еще останется белорусским». Эта «битва белорусских патриотов» за сохранение национальной культуры, как ее называет Вакар, похоже, ими проигрывается. И приводит следующие аргументы.

Белорусский язык. Он формально является языком Белорусской республики. Но его редко можно услышать на улицах и в учреждениях Минска. Все высшее образование ведется на русском языке. На очереди средняя и начальная школы. Все школьные учебники издаются на русском языке. Писатели предпочитают издаваться на русском языке. Вся печатная продукция Белорусской академии наук – на русском языке. Русский язык становится главным не только в городах, но и в деревнях Белоруссии.

И Вакар задается вопросом: белорусы являются третьей по численность языковой группой населения в СССР, так почему же они «показывают такое слабое сопротивление систематической русификации?» [2, р. 222]. И сам же дает ответ: новая белорусская интеллигенция считает, что русский язык необходим и выгоден, при этом он «нисколько не делает их менее белорусами» [2, р. 222] в сравнении с теми, кто не говорит по-русски. Они не считают, что русский язык обязательно является угрозой белорусской независимости.

Далее автор описывает свои беседы с молодым белорусом, который учился в США по обмену. Студент говорил так о себе и русском языке: для меня русский язык открыл весь мир мировой литературы и культуры; зная русский язык, я не стал менее белорусом, чем мой отец, который даже в руки не берет книги и газеты на русском языке. И далее основное: «Для нас русский – это язык Советского Союза, а не язык русских. Это мировой язык, такой же, как английский и французский» [2, р. 224].

Вакар не спорит со своим собеседником. Он задается вопросом: а не приведет ли желание быть «большим белорусом» (в части русского языка) к опасности самоуничтожения? При этом Вакар выражает здесь и свою позицию: русский язык мешает белорусам «быть, или стать на-

цией» [2, р. 223]. Вакара настораживает заявление молодого собеседника о том, что не белорусская культура и не белорусский язык сделали его белорусом, ощущать себя белорусом его сделало белорусское государство [2, р. 226]. На что Вакар реагирует так: а говорит ли о наличии белорусской нации наличие белорусского государства? И делает вывод: в части сегодняшней (1968 г. – *Е. К.*) Белоруссии «мы не можем говорить ни о государственности, ни об исчезновении. Этот народ имеет свои специфические этнические характеристики, но тенденция сегодняшнего дня – только сохранить их как историческую и чувственную ценность» [2, р. 226]. Другими словами, по Вакару, наличие формальной белорусской государственности в составе СССР никак не свидетельствует о наличии белорусской нации.

Выводы:

Опубликованная в 1956 г. Гарвардским университетом работа Н. П. Вакара «Белоруссия. Становление нации» стала первым научным зарубежным исследованием по истории Беларуси, положившим начало процессу формирования американского белорусоведения.

Н. П. Вакар, не будучи профессиональным историком, описывает прошлое Белоруссии, опираясь на большой пласт научной литературы, ранее опубликованной историками Белоруссии, России, Польши, Литвы, Украины. Его выводы и заключения редко однозначны и категоричны, большей частью автор предлагает разные точки зрения на ключевые моменты белорусской истории, пытаясь тем самым быть максимально объективным в оценках.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Vakar, Nicholas P.* Belorussia. The Making of a Nation. A Case Study. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1956.
2. *Vakar, Nicholas P.* The Belorussian People Between Nationhood and Extinction // *Ethnic Minorities in the Soviet Union*. Ed. by Erich Goldhagen. New York, F. A. Praeger, Inc., 1968. P. 218–229.
3. *Vakar, Nicholas P.* A Bibliographical Guide to Belorussia. Cambridge: Harvard University Press, 1956. 63 p.
4. *Vakar, Nicholas P.* The Name «White Russia», *The American Slavic and East European Review*, Vol. 8, No. 3 (Oct., 1949). P. 201–213.
5. *Vakar, Nicholas P.* Papers (MS Russ 58 (1). Houghton Library, Harvard. Notebook 1, Dec. 1938 – Nov. 1939. Folder 1 of 8.
6. *Vakar, Nicholas P.* Papers (MS Russ 58 (1). Houghton Library, Harvard. Notebook 1, Dec. 1938 – Nov. 1939. Folder 3 of 8.

7. *Vakar, Nicholas P.* Papers (MS Russ 58 (1). Houghton Library, Harvard. Notebook 1, Dec. 1938 – Nov. 1939. Folder 4 of 8.

8. *Vakar, Nicholas P.* Papers (MS Russ 58 (3). Houghton Library, Harvard. Last days of *Poslednie novosti*.

9. *Vakar, Nicholas P.* Papers (MS Russ 58 (2). Houghton Library, Harvard. Notebook 2, Nov 1939 – Mar 1940. Folder 1 of 5.

10. *Vakar, Nicholas P.* Papers (MS Russ 58 (2). Houghton Library, Harvard. Notebook 2, Nov 1939 – Mar 1940. Folder 3 of 5.

11. *Vakar, Nicholas P.* Papers (MS Russ 58 (2). Houghton Library, Harvard. Notebook 2, Nov 1939 – Mar 1940. Folder 4 of 5.

12. *Vakar, Nicholas P.* Papers (MS Russ 58 (4). Houghton Library, Harvard. Loose sheets from notebook 2, Boston, May [1941].

Лойко А. И.

Белорусский национальный технический университет (г. Минск, Республика Беларусь)

ФИЛОСОФИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ – МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЙ В. И. ПИЧЕТЫ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В. И. Пичета изучал историческую динамику народов Восточной Европы на основе признания их культурной специфики. Этот подход созвучен философии идентичности, в рамках которой особую роль играет тематика этногенеза, становления наций и их культурной самобытности.

В результате техногенной эмансипации идентичность приобрела конкретный набор системных характеристик, связанных с этнографией, сексуальностью, гендером, возрастом, межрасовым синтезом, классовыми интересами. Это разнообразие формирует содержание современной философии идентичности [8].

В начале XX столетия В. И. Ленин использовал основные положения этнологии К. Маркса в области национального вопроса для решения конкретных политических задач в пределах бывшей Российской империи. Его интересовал вопрос о сохранении единого экономического и политического пространства на основе положения о праве наций на самоопределение. В рамках изучения этого вопроса им был взят за основу концепт нации – территориально-экономической общности населения. По мнению В. И. Ленина процесс становления новых государств в Восточной Европе был неизбежен.